

Подвижники были во все времена. Про них говорят: не за деньги, а идеи ради. Какой же должна быть идея, чтобы в наше время расчета и наживы при большом скоплении народа объявить свое отношение к окружающему совсем несвоевременной строфой поэта: «В жизни по-разному можно жить. Можно в горе, а можно в радости... А можно и так на рассвете встать и помышляя о чуде, рукой обожженной солнцем достать и подарить его людям»!

Беда – лебеда

Эту сказанную в многолюдной аудитории Алевтиной Морозовой фразу вспомнили на отчетно-перевыборном собрании ее соседи – жители Шаранги и прилегающих к ней поселений. Здесь, на северной границе Нижегородчины считают, что именно так и живет все свои 70 лет председатель Шарангской районной ВОИ.

Она из поколения детей Великой Отечественной. Комиссованный по тяжелому ранению на передовой отец, вернувшись в родную деревню Лоскутово, сразу женился. В начале первого мирного года у Ивана и Анны Реутовых уже росли две дочери. Это были самые трудные годы – едва ли не тяжелее военных. Пять лет боев за свободу вымотали тыл страны так, что люди вместо хлеба ели лебеду. Выживали надеждой на завтрашний день: главные работники – мужики, – пусть один из десяти, пусть израненные и увечные, – но все же вернулись!

Однако Реутовым позавидовали рано. Але не исполнилось и двух лет, как отец умер. Двадцатипятилетняя мама впряглась в хозяйство, да так уже и не вышла замуж – не за кого. Надорвалась, отнялись ноги. У Альбины в памяти те дни: мама доползет до подоконника, приподнимется и смотрит вслед идущим на сенокос подругам.

Сорок километров за спиной бабы

Слава Богу, оставалась еще крепость в маминых родителях – деде Иване и бабушке Ольге – на деревне старую женщину звали ее именно так, со смягченным окончанием. Дед был прижимистый, но очень богомольный и помогал по мере сил всем своим детям. После войны он еще несколько лет трудился в артели: спиливали деревья, выжигали уголь, гнали скипидар.

Дедушку Аля запомнила как своего главного воспитателя и деревенского Кулибина. Он резал и лепил игрушки внукам – не хуже магазинных. Ставил окна соседям – ни щелки для ветра. Придумал и смастерил деревянную железную дорогу и желоба – облегчение труда товарищам-артельщикам.

Но еды все равно не хватало. И маме отдали работу почтальонши. Шагнет – остановится, шагнет – остановится...

У маленькой Али от бескормизны началась куриная слепота. Она передвигалась на ощупь, загораясь воспаленные глаза локтем. В больнице выписали мазь и сказали «питаться». А чем? Бабушка Ольга привязала девочку простыней к спине и понесла за 20 километров на святой источник – к мегле местного чудотворца Матвея Яранского.

Алевтина помнит, как горячо молилась ее добрая баба. Как набрала водички и промыла ей глаза. Как трудно досталась им обратная пешая дорога.

И, представьте, я до сих пор без очков и вдаль смотрю, и читаю! – улыбается в канун своего семидесятилетия Алевтина Ивановна. И добавляет: Мы ездим на этот канонизированный источник с членами общества инвалидов почти каждый год. Люди очень верят отцу Матвею, говорят, что вокруг него такая аура любви!

И шелковые чулочки

Любовь правит миром, это точно. Але было восемнадцать, когда Веня сказал, что не может без нее жить. И она поняла, что не может без него.

Двадцатичетырехлетний Вениамин в то лето приехал в родовой дом в Шарангу из Свердловска: забрать маму Феонию, в город, где обосновалась дети. На Алечку он и раньше засматривался. А тут подошел и сказал:

– Я ведь в последний раз приехал, думаю о тебе и день и ночь. Выходи за меня замуж!

Девочка заробела: о замужестве домашние даже не заикались, если за что-то прикрикивали на сестренку, то словами: «Малы еще!» Дед и мама замуж не разрешат – это точно.

Печальные, побрели с кавалером по деревне. Он вдруг попросил ее подождать секунду и забежал в дом, где вся родня за столом провожала маму Феонию. И оттуда на улицу посыпали дяди и тетки: «Вот невеста нашего Венички!»

Пошли в Лоскутово, где работала на посевной мама – семь километров полями. Мама в тот день выдавала зерно на складе и даже руками замахала: «Какие-то такие сваты, некогда о ерунде

разговаривать! Мала еще!» Аля пряталась за шторкой и все слышала. Заплакала, конечно. Но что тут сделаешь!

Спасла тетя Настя. Прижала к себе Алю: «Любите?» «Любим!» «Тогда пошли-ка домой самовар поставить!» А самовар в доме невесты – маячок. По местным обычаям, растопить самовар – значит, принять сватов.

Мама после работы возвращается – а там вовсе праздник.

Вот когда Аленка в первый раз в жизни надела шелковые чулочки и красивое белое платье – мечта всей девичьей судьбы.

И стала девочка Реутовых Морозовой. И уехала с любимым в Свердловск. И прожила там больше четверти века.

Нужда заставит булки есть

В годы тотального дефицита в стране Алевтина научилась вязать и шить, обшивала семью и чужих людей от нижнего белья до шапок. Недаром столько пословиц про смекалку и трудолюбие бедноты. Кстати, готовила Аля всегда – пальчики оближешь. На пироги даже с самой скромной начинкой собиралась вся родня мужа. Салатики с грядки, разные маринады стала закатывать в банки не просто по книжке, а с выдумкой, с новинкой – ее рецепты в тетрадки переписывали.

Вениамин, человек творческий, художник по натуре, был не против того, чтобы весь быт Алевтина взяла на себя. Со своим мягким характером его жена делала сносной даже жизнь в общежитии, а уж когда привалило счастье в виде комнатки в коммуналке, они плакали от радости.

Но на единственном сундуке всю жизнь не проживешь.

Однажды воспитательнице детского сада от Свердловского НИИ Алевтине Морозовой не дали очередного отпуска – некому работать. К этому времени трудности жизни так достали, что молодая женщина в сердцах написала заявление на увольнение. Заведующую, старую коммунистку, видимо, в тот момент работа и постоянная

АЛИН ХЛЕБ

бескадрица тоже достали. С заявлением Али она пошла к руководству НИИ и потребовала для отличной воспитательницы квартиры в только что сданном доме, сопроводив свой визит совсем непартийным предупреждением: «Не дадите жилье, повешусь вот на этой березе за окном!»

А Аля в это время рыдала дома под выговоры семьи: «Уволнись! Дурочка, на что жить будешь!» У мужа как обычно подскочило давление. И вдруг звонок в дверь.

– Возвращайся в садик, тебе квартиру дали!

Через три дня семья получила ордер. В конце недели Алевтина, вывалив из сундука в простыню и завязав в узел одежду, перевезла нехитрый скарб на новое место.

Вот так и существовали. Где ошибались, где выигрывали.

Домой!

Но потихоньку обживались. Приобрели автомобиль, появилась дача за городом. Алевтина изучила все сложности приусадебного хозяйства Урала. Вызвала к себе маму. Родня отпустила Анну без вопросов, знали: если ответственность на себя берет Аля, все получится.

Через некоторое время Вениамин из-за гипертонии начал настаивать на возвращении в родную Нижегородчину: климат теплее, обстановка мягче. Аля опять согласилась.

На те деньги, за которые продали на Урале двухэтажную дачу, в 1991 году в деревне Лоскутово сумели купить только шифер на худую крышу. В магазинах даже гвозди в ту пору было достать непросто.

Вениамин умер в недоремонтированном доме – весной после четырехдневной комы. Пережив горе, Алевтина снова впряглась в дела.

Она стала печь хлеб для местного хмпредприятия – «наследника» старой артели по добыванию скипидара. В примитивной пекарне сама топила печку, руками месила тесто, заполняла формы... Караваи и булки получались как на картинке в рекламном

журнале. А уж какие душистые да сладкие! В деревнях округи соседи звали друг друга: «Пойдем по Алину хлеб!».

Умирающая артель держала пекарню до последнего. Потом Алевтину пригласили кассиром-бухгалтером в колхоз имени Кирова. Каждое утро она седлала велосипед и отправлялась за три с половиной километра на рабочее место в деревню Туманка. Вечером возвращалась к сыну. И к полному двору живности: корове, овцам, курам...

С краю постою

Пенсия подошла незаметно. Но отдохнуть Алевтине Морозовой долго не дали: в 2002-м пригласили бухгалтером в Шарангское районное ВОИ. А через год председатель Татьяна Алексеева Молькова, заболев, переложила на плечи Алевтины и свои обязанности.

– У нее все гладко, для нее все «ладно», – говорит сегодня про председателя Морозову ее актив. – Никогда не чванится, никому не перепоручает, не указывает перстом: ты сделаешь это, а ты то. Ей легче самой. На чаепитие несет самый большой пирог. На день рождения – лучший подарок. На выставку – замысловатую поделку. Прикладит табличку: «Шарангская районная организация», а победила-то сама! Но даже машину не попросит перевезти груз: все на своих руках. Денег ей не досталось – «Ну, как-нибудь растянем». Места не хватило – «Подумаешь, с краю постою».

Она такая. Поэтому в помощники к ней кидаются все, кто рядом – кто сам себя ради других не жалеет, того и другие уважают.

Доброе слово и кошке приятно

Шаранга – ухоженный и успешный поселок. Его посещают делегации разного уровня. Районное общество инвалидов всегда представляет гостям своих самых талантливых чтецов, певцов, рукодельниц, домашних кулинаров. И пользуется поразительным успехом. Разносолы мгновенно

исчезают со стола, несмотря на гастрономическую избалованность дорогих гостей: пробуют да похваливают. Нарядные прихватки, рукавички, букетики даже из самых экономических материалов перекечывают в руки восторженной публики в обмен на обоюдную дружбу.

А мастерам да мастерицам того и надо – доброе слово да взаимовыручка творят чудеса.

Районное руководство очень заботится о ветеранах. Глава местного самоуправления Виктор Бахтин – частый гость на их собраниях. А раз в год собирает всех руководителей организаций – чтобы ответили на вопросы пенсионеров. Татьяна Кислицына из соцзащиты и Зоя Вохминцева из пенсионного фонда – тоже в лучших дружбах общества инвалидов и Алевтины Морозовой. Да и от помощи разных политических группировок Алевтина Ивановна не отказывается: обращается то с просьбой оплатить автобусную экскурсию, то выделить средства на индивидуальную помощь горемыке – погорельцу.

Нуждающихся в помощи прибавляется с каждым годом. Такие нестабильные времена. Вот на базе роженцовского интерната в Большой Рудке создали Специальным домом для пенсионеров – инвалидов. Туда Алевтина Ивановна ездит часто: пообщаться, рассказать, чем занимается, повеселить артистами-гармонистами. Старик с ней обнимаются как с родной. Они ведь что дети – добро нутром чувствуют. Чуть к ним пренебрежение, они и на «здравствуйте» не ответят.

Жить!

Кстати, председатель Шарангской районной организации ВОИ следующего «созыва», которую Алевтина Морозова подготовила себе на замену, – руководитель этого самого Дома-интерната: Надежда Гетия. Лучшего человека, чем Надежда Ивановна, на это место не придумаешь.

А Алевтина... Ну что же, она будет печь хлеб до последних дней своей жизни. И в прямом, и в переносном смысле. Ведь есть же выражение «духовная пища». Духовная пища – это и пример отношения к жизни, отношения к окружающим людям как к подарку судьбы. «Солнце достать и подарить его людям» – лучше не скажешь!

... Чего бы еще хотелось? – задумывается над моим вопросом сидящая рядом Алевтина Ивановна. Только что закончилось отчетно-перевыборное собрание, и мы втроем – Алевтина, ее сестра Ирина Домрачева и я – присели в маленьком зале здания Шарангской районной администрации отдышаться. И тихо признается: – Хотелось бы пожить. Чтобы родные радовали и чтобы все было здорово. Жизнь продолжается. В моей теплице помидорки налились. Следующей весной молодые яблони и груши первый урожай дадут. Я ремонт дома сделала – теперь избой только любоваться.

... Она прикрывает глаза и улыбается. Я знаю про избу. Каждая вещь здесь – бесценная память о событиях разных лет. Любимая кружка сына из золотисто-бежевого фаянса – подарок бабушки Феонии на его первый юбилей. Линолиум великолепного орнамента – символ радостных семейных событий Морозовых. Купленная минувшей зимой светло-серебристая мутноватая шубка с прошивками – давняя мечта Алевтины Ивановны.

Ирина ласково берет ладонь сестры, в свою руку. Алевтина чуть заметно кивает и, не отрывая глаз, снова улыбается.

Я тихо встаю и покидаю этих изумительных женщин российской глубинки – редакционное задание выполнено. Дай вам Бог, Алевтина Морозова, еще тысячи раз напоить сына чаем из любимой кружки, много лет любоваться орнаментами в доме и долго носить свою серебристую шубку!

Лариса АНДРЕЮШИНА